Р.А. МАЙОРОВ

ВНУТРЕННИЙ МИР ПЕТЕРБУРГСКОГО ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО СВЯЩЕННИКА ИОАННА ВЕРХОВСКОГО (ПОПЫТКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА)

Среди единоверческих деятелей XIX в. одной из самых значительных фигур является петербургский священник Иоанн Тимофеевич Верховский. Известный общественный деятель Т.И. Филиппов писал славянофилу И.С. Аксакову, что Верховский – «это, между прочим, решительное литературное дарование... писатель и по моему мнению замечательный. О мужестве его и говорить нечего; ничего подобного между духовными лицами мне не случалось ни видеть, ни даже слышать» (1). Принципиальный, честный, уверенный в правильности выбранного пути, о. Иоанн очень много сделал для современного ему старообрядчества (2).

Особый интерес для нас представляет внутренний мир о. Иоанна. Как он воспринимал свою борьбу? Как ощущал свою связь с Богом? Как это отражалось на его служении? Как в нём уживались служение Духу и усердное исполнение обряда, характерное для старообрядчества?

Сам о. Иоанн называл себя «слугою Духа». Он писал Т.И. Филиппову: «стою на вере во Христа и Духа, а не на вере в букву и форму». Действительно, богословская мысль о. Иоанна показывает, что для него гораздо важнее была евангельская справедливость, чем формальное выполнение канонов. Так например, отец Иоанн, вопреки формальному следованию каноническим нормам, выступал за разрешение о. Иосифу Овербеку при переходе в православие в сущем сане вступить в брак (3).

Так же, исходя из духа евангельской любви, Верховский ре-

Майоров Роман Александрович – к.и.н., Московское старообрядческое духовное училище РПСЦ, г. Москва

шает и вопрос о признании благодатности Белокриницкой иерархии. «Канцелярское мышление», по о. Иоанну, тут же поставило бы 5 следующих вопросов. Вправе ли был митрополит Амвросий перейти в старообрядчество, не испросив благословения у Константинопольского патриарха? Передалась ли апостольская благодать в результате единоличного рукоположения митрополитом Амвросием епископа Кирилла? Не отошёл ли от Церкви и от Христа митрополит Амвросий, порвав со своим священноначалием? Не лишился ли митрополит Амвросий своего апостольства и святительства? Не является ли Белокриницкая иерархия лжеиерархией? Отец Иоанн даже не рассматривает эти вопросы, он ставит вместо них шестой: настолько ли православно общество старообрядцев, к которому присоединился митрополит Амвросий, чтобы иметь собственную иерархию и быть равноправной частью Вселенской Церкви наряду с другими поместными церквами? Честный ответ для о. Иоанна очевиден – старообрядцы абсолютно православны, а значит, и иерархия благодатна. Но не стоит думать, что о. Иоанн легкомысленно относился к богословским вопросам. Свою позицию в отношении белокриницких он подтверждает многочисленными выдержками из Святых Отцов. В заключение своего рассуждения он обращается к словам Константинопольского патриарха времён падения Константинополя Геннадия Схолария: «Уверяем вас о Господе, что кто в наше время требует строгого соблюдения всех обычаев и уставов Церкви, как это было во время свободы христиан, тот есть враг христианства и налагает бремя на бессильных, а кто оставляет малое да сохранит целое, тот имеет дух Апостольский» (4).

Верховский считал, что так как в Церкви божественное соединяется с человеческим, то и в церковной практике есть два начала: божественное («хождение Духом и в Духе, иначе в свете») и «человечественное» («хождение в букве и форме, иначе во тьме и ощупью»). Идущие по первому пути начинают прозревать Божественные истины, по второму – рассуждают канцелярски, или бюрократически. Для Верховского важны каноны, но они должны подчиняться божественному, духовному началу в Церкви. Человеческому же направлению важно само исполнение буквы, канон ради канона. «Когда буква канона не исполнена, этот буквенник, ригорист и гаситель возмущается и под-

нимает шум, буква исполнена – и он спокоен, хотя этой верностью букве извращена самая цель установления, хотя исполнению сущной заповеди Нового Завета нанесен ущерб и самому Завету – оскорбление» (5), – пишет о. Иоанн. В других письмах Верховский называет гасителями и ригористами обер-прокуроров Св. Синода графа Д.А. Толстого и К.П. Победоносцева. Именно подобный тип религиозного деятеля был для о. Иоанна образцом противника Христова.

С детства Верховский был очень застенчивым мальчиком. Так, в одном из писем Т.И. Филиппову он вспоминал, каким стыдом ему в детстве казался поцелуй даже родной тётки – молодой девушки. Отчасти застенчивость эту о. Иоанн сохранил и в молодые годы. По собственному признанию, он стыдился ходить в гости и знакомиться, так как осознавал, что статен и красив. Он старался заглушить в себе всё то, что его выделяло, и вследствие этого испортил себе дикцию и походку. Воспитываясь под началом дяди архимандрита Никодима (Лебедева), который мало времени уделял племяннику, в подростковом возрасте о. Иоанн был «под подлой тиранией прислуги», и потому, когда в 21 год Верховский был назначен учителем Иркутского духовного училища и одновременно получил фактическую власть над Вознесенским второклассным монастырём, он стал управлять очень жёстко. Позже священник понял, что это безнравственно, и стал работать над своим характером. Отец Иоанн, судя по его деятельности на протяжении всей жизни, был человеком властным и вспыльчивым, но властность эта не была злобной, а за необдуманные резкие действия он не стеснялся приносить извинения.

Многие действия Верховского можно объяснить его убеждённостью в том, что он вверил себя воле Божьей. Отец Иоанн был своего рода харизматом, всегда пытавшимся выяснить волю Духа Святого по тем или иным вопросам и считавшим, что его ведёт Бог. Его чувство было у Верховского с самого раннего детства. Обычно, если ребенок сильно ушибся, то в нём просыпается чувство досады на себя или на предмет, о который он ударился. Маленький Ваня воспринимал это как волю Божью и пытался понять, что это значит. Для ребёнка это было наказанием за какой-либо проступок, и он считал, что после того, как он ушибся, Бог на него больше не гневается. Это приучило Верховского

в каждой жизненной ситуации анализировать, в чём здесь воля Божья и чего от него хочет Бог. С возрастом он всё более укреплялся в мысли о влиянии Божьей воли на его жизнь (6).

Другой характерной чертой о. Иоанна была его любовь к правде. Ничто не было ему так противно, как намеренная ложь. Двуличность архипастырей (будь то «Пункты митрополита Платона» или история с заменой митрополитом Филаретом требований единоверцев на свои) вызывала у Верховского чувство отвращения, ибо «сатана – отец лжи». Отец Иоанн был человеком открытым и всегда пытался помочь просящим. Он отвечал на письма многочисленных старообрядцев (7), ходатайствовал за будущего священника П.П. Масловского, когда тот был ещё студентом Казанской духовной семинарии (8).

Первые года три после рукоположения «пастырство стало как бы стихией» для Верховского. Позднее у о. Иоанна вера в единство с ним паствы несколько поколебалась (9), но у своих духовных чад он пользовался огромным уважением. Так, уже после отъезда о. Иоанна из России духовный сын Верховского, умирающий старик, наотрез отказался исповедоваться другому священнику. «Вот таких духовных детей я должен был оставить» (10), – сокрушался о. Иоанн.

Верховский служил с большим усердием. Он очень следил за пением: размер у него был скорый, протяжность считалась проявлением непрофессионализма. В письмах из Германии о. Иоанн вспоминал, как он проводил отпевание усопших. Эта служба была у него очень торжественной. Смерть Верховский рассматривал как встречу со Христом: это был скорее праздник, чем горе. Возможно, такое отношение о. Иоанн приобрёл отчасти из-за того, что при жизни потерял жену (она умерла 28 августа 1878 г.) и нескольких детей. Интересно, как упование на Божий промысел во всём проявилось в отношении Верховского к смерти детей. Отец Иоанн очень любил своих детей, и смерть их была очень тяжёлым испытанием, но, вместе с тем, и в ней он видел волю Божью. Огромным потрясением была для священника смерть любимой дочери Надежды (которую о. Иоанн звал «Наденька-сердце»). Шестилетняя девочка простудилась, возвращаясь на линейке с родителями с именин тётки, за 8 дней её не стало. Вспоминая Наденьку, Верховский признавался, что

если бы Христос поставил его перед выбором – забрать всю семью или любимую дочь, то он бы оставил Надю. С умилением отец Иоанн вспоминал, как маленькая дочь искренне любила прикладываться к иконам. Видя это, Верховский задавался вопросом, для чего ещё жить такому ребенку, чего ещё надо от него Христу. Отпевая свою любимую дочь, о. Иоанн мысленно сокрушался, что Господь не дал ей дожить до возраста невесты и он не смог дать ей всей ласки. Именно в свете этих размышлений Верховский воспринимал смерть своей четырнадцатилетней дочери Елены, случившуюся через 15 лет. Елена очень рано сформировалась и в столь юном возрасте уже имела трёх женихов. Несмотря на то, что умерла Елена, оттого что простудилась во время речной прогулки, и она сама и отец предчувствовали её смерть. Так психологически глубоко о. Иоанн чувствовал происходящее. Перевозя Елену с дачи из Салтыковки в Петербург к доктору Верховский почувствовал, что провожает её ко Христу, и что Елене больше не вернуться на дачу. Врач утверждал, что болезнь несерьёзная и он через 2 дня «прогонит» семью из Петербурга. Но к вечеру стало хуже, и через 7 дней Елена скончалась от воспаления кишок. Отцовское сердце почувствовало смерть дочери раньше докторов. Елена смиренно приняла смерть, и о. Иоанн с присущей ему чертой во всем искать промысел Божий воспринял кончину дочери как своеобразный праздник: имея трёх женихов земных Елена удостоилась куда более почётной миссии стать невестой Жениха Небесного – Христа! Символизм он видел даже в колокольном звоне. День смерти дочери был днём годовщины коронации, а в день похорон у кого-то из членов императорской фамилии были именины и во всех храмах столицы весь день не умолкали колокола. Для обычного человека радостный звон был бы диссонансом семейному горю, для Верховского – волей Провидения, пожелавшего с особой торжественностью проводить дочь священника ко Христу.

У семейства Верховских в Петербурге было 2 могилы на Большеохтенском и Волковом кладбищах. Когда у четы Верховских стали умирать дети, их хоронили на Большеохтенском кладбище, устроенном специально для прихожан Николо-Миловской церкви. Однако супруга о. Иоанна Марья Ивановна захотела быть похороненной на Волковом кладбище, на котором в

Сретенской церкви служил её отец. Верховский очень заботился о могилах своих родных. На Волковом кладбище он купил 6 могил для себя и жены, дочери Марьи Ивановны с супругом и младшим свояку со свояченицей. Свою могилу он впоследствии уступил дочери Елене. Все 6 могил были выложены плитой и кирпичом. Над могилами жены и Елены Верховский поставил 2 одинаковых больших восьмиконечных креста из голубого мрамора на тумбах. Такой же крест был возведён и на Большеохтенском кладбище над могилами девяти других умерших детей. На восточной стороне этого креста крюками была изображена мелодия напева начальных слов одного из стихов антифона четвёртого гласа «Сердце мое к Тебе, Слове, да вознесется». В память о себе и детях Верховский положил в Скопинский банк 14 тыс. руб. в пользу причта и церкви на вечные времена. Но, к сожалению, банк разорился (так как был устроен по принципу «пирамиды») (11).

Верховский не был аскетом. Будучи приходским священником, он вёл жизнь, подобающую столичному единоверческому иерею – отцу большого семейства. Летом семья выезжала на дачу. Дома у Верховских родные и близкие собирались на торжества. В первом письме Т.И. Филиппову из Пильниц о. Иоанн описывал свою жизнь в Мануиловском старообрядческом монастыре. Это письмо хорошо показывает, что Верховского интересовали самые разные проявления жизни. Он не жалеет красок не только на описание природы и жилья, но не оставляет без внимания ни одной интересной мелочи в окружающем мире. Так например, совершенно неожиданно на страницах этого письма мы встречаем описание евреек, торговавших в кабаках соседних с монастырём сёл. «Если бы знал по-молдавски или по-жидовски, то непременно подошел бы к ней и прямо попросил бы у ней дозволения полюбоваться. Так была поразительна ее красота», – восхищался Верховский одной из них. Даже в эмиграции о. Иоанн носил очень красивый священнический костюм: шёлковый подрясник с разводами из дорогой материи, душегрейка почти без рукавов, круглая шляпа, зонтик.

В Молдавии Верховский полюбил местные продукты: мамалыгу и виноградное вино. За этим напитком о. Иоанн со своим келейником часто ходили в соседнее с. Фольтечини. В Бело-

криницком же монастыре, куда священник ездил к митрополиту Афанасию, предпочитали шнапс, его употребляли по 2-3 рюмки на 2 глотка. К концу пребывания в монастыре он настолько надоел Верховскому, что тот однажды украдкой выплюнул его, выйдя из келии (12).

Среди духовных чад Верховского были самые разные люди. Исповедные ведомости Николо-Миловского храма показывают, что это были жители Санкт-Петербургской, Архангельской, Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской, Пермской, Тверской, Олонецкой, Саратовской и Ярославской губ., находившиеся в столице (13). Сословная принадлежность прихожан была различной и порой, согласно клировым ведомостям, хранящимся в Центральном историческом архиве Санкт-Петербурга, значительно изменялась. Но наравне с простыми прихожанами Верховский был отцом духовным и для таких известных особ, как композитор М.А. Балакирев и генерал И.И. Сафонов с семейством. Если Сафоновы происходили из кавказской казачьей старообрядческой семьи, присоединившейся к единоверию и, следовательно, старый обряд был у них «в крови», то М.А. Балакирев не гнушался и посещением новообрядных храмов (например, Александро-Невской лавры). Несмотря на это, Верховский много лет исповедовал знаменитого композитора. Более того, в один из «чистых четвергов», когда Балакирев собирался причаститься, но должен был быть в новообрядном храме из-за того, что там отпевали друга его отца, Верховский накануне исповедал своего духовного сына и снабдил его следующим письмом:

«Всечестнейший Батюшка
Антоний Игнатьевич!

Подателя сего моего возлюбленнейшего духовного сына Милия покорнейше прошу в 11 день Мая удостоить Св. Причащения в Вашей церкви прочитав над ним разрешительную молитву и преподав священническое Ваше разрешение. Ваш о Христе
брат иерей Иоанн
Верховский» (14).

Впрочем, среди чад о. Иоанна был даже один новообрядческий священник, его мать и жена! Последняя была родной сестрой зятя Верховского. Когда этот священник умер, о. Иоанн на

правах отца духовного участвовал в его отпевании. Среди восприемников детей о. Иоанна мы находим не только единоверцев, но и диакона Входоиерусалимской церкви Санкт-Петербурга Василия Афанасьевича Ветвеницкого и его супругу Анну Ивановну (15). Все эти факты разрушают созданный миссионерами миф о Верховском как о «раскольствующем» пастыре и, напротив, показывают, что в ряде вопросов священник расходился с традиционной старообрядческой экклесиологией (16).

Священник Иоанн Верховский, как мы видим, придерживался широких взглядов. Он не был аскетом, избегал буквализма. Для Верховского гораздо важнее была евангельская справедливость, чем формальное исполнение канонов. Высказывая то или иное суждение, он старался исходить из чувства христианской любви, а не формальной логики. Вместе с тем, иерей Иоанн был человеком самоуверенным и харизматичным. При этом Верховский был ревностным пастырем. Он старался служить чинно, без сокращений, вкладывая всю душу. Выяснение воли Божией и понимание смысла христианских истин для него были непременными спутниками жизни любого ответственного православного священника.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ИРЛИ. Ф.3. Оп.4. Д. 649. Л.4.
2. См. об этом, например: Майоров Р.А. Единоверческий священник Иоанн Верховский в Мануйловском старообрядческом монастыре // Липоване. Вып.VI. Одесса, 2009. С.89–94.
3. За отца Овербека // Верховский И.Т. Сочинения Иоанна Верховского. Кн.1. Лейпциг, 1886. С.131–137.
4. ГАРФ. Ф.1099. Оп.1. Д.1552. Л.54–57об.
5. Там же. Л.56об.
6. Там же. Л.114.
7. Об этом см., например: Майоров Р.А. К вопросу о переписке священника Иоанна Верховского со старообрядцами г. Вольска // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.12. М., 2007. С.112–116.
8. ГАРФ. Ф.1099. Оп.1. Д.3008.
9. Там же. Л.58.
10. ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.78. Д.909. Л.9; ГАРФ. Ф.1099. Оп.1. Д.1552. Л.51об.

11. ГАРФ. Ф.1099. Оп.1. Д.1552. Л.137об., 139об.
12. Там же. Л.147.
13. БАН. Единоверческое собрание №7.
14. РНБ ОР. Ф.41. Д.1918. Л.1.
15. БАН Единоверческое собрание №7. Л.40, 51.
16. Подробнее об экклесиологии свящ. Иоанна Верховского см.: Майоров Р.А. К вопросу об экклесиологии единоверческого священника Иоанна Верховского (отношения с Белокриницкой иерархией) // Церковь и общество в России: пути содружества и вызовы эпох: Сборник материалов Третьих юбилейных Свято-Филаретовских чтений. М.; Ярославль, 2008. С.160–167.